

ИДЕЯ НЕПРІЯТІЯ МІРА И МИСТИ- ЧЕСКІЙ АНАРХИЗМЪ.

I.

Иванъ Карамазовъ говоритъ Алешѣ, что не Бога онъ отрицаетъ, а *міра* Его *не принимаетъ*; и Алеша называетъ это *непріятіе міра* — бунтомъ. Но не иначе „бунтуетъ“ и праведный Іовъ. Непріятіе міра — одна изъ древнихъ формъ *богоборчества*.

Остановимся на этомъ послѣднемъ понятіи, равно важномъ для историка и философа религіи.

Безъ противленія Божеству нѣтъ мистической жизни въ человѣкѣ,—нѣтъ внутренней драмы, нѣтъ дѣйствія и событія, которыя отличаютъ религіозное творчество и религіозность динамическую (имя ей — мистика) отъ неподвижной преданности замкнутому въ себѣ вѣроученію съ его скрижалями нравственныхъ заповѣдей и обрядовыхъ установленій.

Корни богоборчества скрыты въ тѣхъ экстатическихъ состояніяхъ, откуда пронстекли первыя религіи. Божество овладѣваетъ сопротивляющейся душой, какъ у Вергилія Фебъ „одержитъ“ упорствующую Сивиллу и толчками принуждаетъ ее пророчествовать. Содержаніе древнѣйшихъ оргій составляетъ священное убіеніе бога изступленными причастниками жертвы.

Богоборствующее безуміе, какъ всякій религіозный экстазъ, можетъ быть правымъ (*ὀρθὸς μανῆναι*) и неправымъ. Оно несетъ въ себѣ награду непосредственнаго общенія съ божествомъ—и опасность божественной мести. Іовъ оправданъ; и Іаковъ, боровшійся съ Незримымъ, улучилъ благословіе, хотя и остался хромъ. Прометей побѣждаетъ. Но сколько другихъ богоборцевъ сокрушено! Титаны, Гиганты, „богоравные“ гордецы, дерзнувшіе мѣриться съ богами, какъ Танталъ и Танталида—Ніоба, безумцы и слѣпцы, не узнавшіе божескаго лица, какъ Пентей; у евреевъ — Каинъ и его потомство, строители вавилонскаго столпа, Люциферъ. Въ Библии самая повѣсть о грѣхопадѣніи людей пріобрѣтаетъ черты богоборческія: „вы будете какъ боги (или: Богъ,—Элогимъ)“.

Это различіе между угоднымъ и негоднымъ божеству противоборствомъ человѣка принадлежитъ, несомнѣнно, эпохѣ позднѣйшей, когда не только первобытная оргіиность уже успѣла кристаллизироваться въ опредѣленные религіозныя формы, но и возникла потребность съ одной формы охранять эти формы отъ еще не успокоившихся вулканическихъ судорогъ оргійнаго хаоса, съ другой отстаивать и ограждать ихъ въ борьбѣ и соревнованіи съ чуждыми религіозными образованіями.

Правыми богоборцами, послѣ болѣе или менѣе упорнаго сопротивленія, признаются религіозною мыслью какъ тѣ, которые кончаютъ преклоненіемъ и покорствомъ, подобно Вергиліевой Сивиллѣ, усиленной Фебомъ (—самъ Прометей у Эсхила надѣваетъ вѣнокъ изъ *agnus castus* на голову и желѣзное кольцо на руку, символы покорствующаго духа),—такъ и тѣ, которымъ удастся вынудить у божества уступки для своего рода или всего рода человѣческаго и заключить съ нимъ

сдѣлку, договоръ, „завѣтъ“ (Прометей, Израиль). Эти послѣдніе суть факторы постепеннаго расширенія, смягченія и очеловѣченія идеи божества, прогрессивные моменты религіозноисторическаго процесса.

Въ эпоху такой гуманизации представленій о божествѣ возникаетъ впервые проблема теодицеи (богооправданія), подсказанная тѣмъ углубленіемъ религіозной идеи, вслѣдствіе котораго божество мыслится уже какъ сила отвѣтственная за мірозданіе, какъ его обусловливающая, а не имъ обусловленная. Зачинается судьбище между Богомъ и Іовомъ.

*
* *

Въ лонѣ еврейства родился *мистическій энергетизмъ*, ставшій душою христіанской культуры и связанный съ нашими конечными чаяніями. Еврейство дало намъ въ спутницы вѣчную Надежду, — она же распростираетъ свои радуги надъ всѣмъ нашимъ дѣланіемъ, надъ всѣмъ творчествомъ европейской души, хотя бы душа эта и забыла до времени о своемъ таинственномъ и навѣки дѣйственномъ крещеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, евреи, съ исключительною среди всѣхъ племенъ земли настойчивостію, провозгласили право человѣка на свое свободное самоутвержденіе; они поставили его судьей надъ міромъ и истцомъ передъ Богомъ. Напротивъ, эллины не могли преодолѣть унынія, взрожденнаго въ нихъ сознаніемъ природнаго неравенства безсмертной семьи и рода смертныхъ; вѣдь и Прометей ихъ только потому былъ столь могущественнымъ и успѣшнымъ поборникомъ человѣчества, что самъ родился безсмертнымъ титаномъ и полубогомъ. Эллинамъ оставалось или подчиниться безсмертнымъ, или отрицать міръ, и по отношенію къ

міру—или принимать его какъ извнѣ и насильственно данный (хотя бы, по мысли позднѣйшихъ философовъ, и не „сущій во истину“), или искать изъ него выхода въ самоубійствѣ. Индусы же растворили человѣческое самоутвержденіе въ единомъ цѣломъ міровой жертвы и круговой поруки вселенской; на идеѣ отверженія феноменальнаго, на морали отрѣшенности отъ всего даннаго въ обманчивомъ представленіи и призрачномъ раздѣленіи, построили они глубочайшія идеалистическія системы, философскія и религіозныя: но ихъ отверженіе значило только пессимизмъ, ихъ непріятіе міра заключало въ себѣ только идеалистическое „нѣтъ“ міру, ихъ возмущеніе, лишенное реальнаго объекта борьбы, было только „угашеніемъ“.

Для аріійской мысли міръ остался безусловно данною, насильственно навязанною познающему духу наличностью явленій. Евреямъ же предсталъ онъ какъ результатъ сочетанія свободы и принужденія, какъ форма взаимодействія воли дающей и воли принимающей, какъ взаимный долгъ и обязательство Творца и сотвореннаго. Эта почти юридическая концепція первоначальной, едва ограниченной свободы, древняго правонарушенія со стороны человѣка, его отсюда проистекшей кабалы и, наконецъ, дальнѣйшихъ договоровъ, смягчившихъ кабальныя отношенія, — была закрѣплена въ почти недвижныхъ формулахъ прочно сложившейся *религій*; но *мистика* продолжала свое творческое дѣло и при этомъ не терпѣла въ общемъ стѣсненій со стороны положительнаго вѣроученія вслѣдствіе принципиальнаго допущенія возможности „новаго завѣта“, въ смыслѣ обновленнаго, пересмотрѣннаго договора. Пророки посвятили себя предуготовленію этого новаго завѣта, съ нѣкоторой поры уже, быть можетъ, вдохновляемые и вѣяніями эллинской мистики,

пока Второму Исаи не удалось убѣдить сердца людей, что рай, „золотой вѣкъ“ и „Сатурново царство“ древнихъ, „новый Иерусалимъ“ Апокалипсиса, „Гармония“ Достоевскаго, иными словами—мiръ „преображенный“, т. е. мiръ, по отношенію къ которому наше свободное Нѣтъ обращается въ свободное Да,— не позади, а впереди живущихъ поколѣній.

Замѣна договорныхъ отношеній довѣріемъ любви и сыновства—въ этомъ было содержаніе осуществленнаго Новаго Завѣта. Если есть бореніе воли въ ихъ любовномъ сліяніи, наложеніе своего я въ беззавѣтной его отдачѣ, требованіе въ поцѣлуѣ,—то и Христосъ—богоборецъ, Богомъ возлюбленный болѣе всѣхъ. Христосъ раскрылъ идею непріятія мiра во всей антиномической полнотѣ ея глубочайшаго содержанія. Онъ велитъ „не любить мiръ, ни всего, что въ мiрѣ“,—и самъ любитъ мiръ въ его конкретности, мiръ „ближнихъ“, мiръ окружающій и непосредственно близкій, съ его лиліями полевыми и птицами небесными, веселіями и благовоніями, и прекрасными лицами людей, какъ въ солнечной разоблаченности прозрачнаго мгновенія, такъ и подъ дымною мглой личинъ грѣха и недуга. Онъ говоритъ, что царство Его не отъ мiра сего,—и вмѣстѣ благовѣствуетъ, что оно „здѣсь, среди насъ“. Онъ тоскуетъ въ мiрѣ, потому что „мiръ лежитъ во злѣ“; но каждое мгновеніе самъ снимаетъ зло и восстанавливаетъ мiръ истинный, который внезапно становится видимымъ и осязуемымъ тронутой Имъ душою, какъ исцѣлившемуся слѣпорожденному.

Такое непріятіе мiра мы называемъ правымъ, ибо оно —„непримиримое Нѣтъ“, изъ коего уже сіяетъ въ своихъ сокровенныхъ возможностяхъ „спящее Да“. Здѣсь отрицающій духъ уподобляется погруженному въ землю зерну, которое не прозябнетъ, если не

умреть. Это христіанское непріятіе міра составляетъ принципъ *мистическаго энергетизма*, движущей силы нашей—явно или латентно—христіанской души. „Ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стенаеть и мучится донинѣ; и не только она, но и мы сами, имѣя начатокъ Духа, и мы въ себѣ стенаемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего“ (Посл. къ Римл. 8, 22).

Непріятіе міра въ душѣ и на устахъ Ивана Карамазова есть, прежде всего, пережитокъ (survival) стариннаго богоборчества. Интеллектуально онъ атеистъ, хотя и не такой, какъ другіе,— „иного сорта, аристократъ“... Но творить и переживаетъ онъ свою поэму какъ бы сверхсознательно и пророчественно. Въ ней самъ онъ раздвояется на двухъ богоборцевъ—соперниковъ, двухъ печальниковъ о мірѣ, соревнующихъ о спасеніи міра. И поскольку, въ творческомъ своемъ экстазѣ, онъ соединяется со Христомъ, уже видитъ Отца; и поскольку сливается съ личною Великаго Инквизитора, не вѣруетъ въ Бога. Инквизиторъ борется отрицаніемъ Бога, потому что не довѣряетъ, не вѣряется Ему. Отрицающаго Бога,—утверждаетъ міръ данный: подъ свою опеку пріемлетъ міръ,—слѣдовательно, все же пріемлетъ. Христосъ поэмы не пріемлетъ безмолвіемъ, не пріемлетъ покорствомъ; поцѣлуемъ борется за свой міръ, и осуществляетъ его самымъ своимъ существованіемъ. Истинно сущій истинно волитъ; волящій воистину—воистину творить. И знаетъ творящій, что самъ по себѣ ничего творить не можетъ. Отсюда — „не Моя да будетъ воля, но Твоя“. Истинная воля, творческая, сверхличная, излучается только чрезъ прозрачную среду личного безволія. Христосъ истинно волитъ,

а потому и сознаетъ непосредственно, что въ Немъ во-
литъ самъ Отецъ: „Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ“. По
моментъ пророчественнаго экстаза, подсказавшаго Ивану
даже цоцѣлуй Христа, этотъ истиннѣйшій символъ Его
непріятія міра,—прошелъ, и душа Ивана опять „раско-
лота“. Не то для него отличительно, что духъ времени
заставилъ его мыслить атеистически, а то, что онъ
атеистъ въ силу своего умпостигаемаго характера,
или, точнѣе, своей умпостигаемой безхарактерности.
Его атеизмъ—неспособность къ сверхличной волѣ, без-
воліе въ категоріи сверхличнаго. Есть тому и эмпири-
ческій симптомъ: головное непріятіе міра, осквернен-
наго несмываемымъ страданіемъ, вовсе не дѣлаетъ
Ивана въ личной жизни добрымъ.

Мистическая воля отнюдь не обусловливается ка-
кими бы то ни было теологическими допущеніями. Она
не только автономна, она—сама внутренняя свобода.
Если она осознаетъ себя какъ вѣру въ Бога, она дѣ-
лается внутреннимъ разумомъ. Если же не опредѣлится
въ этихъ термінахъ сверхраціональнаго разума, то неиз-
бѣжно предстоитъ, при сличеніи со сферой раціональ-
наго, какъ нѣкое безуміе. Пусть! Кто изъ сильныхъ
духомъ не предпочтетъ остаться безумнымъ и свобод-
нымъ въ своемъ внутреннемъ самоутвержденіи и мя-
тежѣ противъ всего даннаго, нежели разсудительнымъ
рабомъ необходимости? Европейская душа не можетъ
отказаться и отъ этого безумія, ибо ядъ его—*virus*
христіанства—въ нашей крови.

Можно быть, въ извѣстномъ, условномъ смыслѣ,
иррелигіознымъ и вмѣстѣ мистикомъ. Ибо мистика, ло-
зунгъ которой „*ab exterioribus ad interiora*“ („отъ внѣш-
няго къ внутреннему“) —чувствованіе и утвержденіе моей
волевой монады, коренной и внѣ раціональнаго созна-
нія лежащей воли моей, подобной волѣ сѣмени, пред-

опредѣляющей его ростъ. Непріятіе міра должно, чтобы стать дѣйственнымъ, корениться въ этомъ моемъ сокровенномъ и сверхличномъ изволеніи, въ неизреченномъ „Да“ и „Нѣтъ“, спящемъ въ глубинахъ моего микрокосма.

Это утвержденіе свободы моего истиннаго я въ отношеніи ко всему, что не я истинное, есть утвержденіе мистическое. Еслибы человекъ былъ изначала „позитивистъ“, никогда не вышелъ бы онъ изъ заклѣтаго круга явленій и ничего не задумалъ бы отвергнуть изъ даннаго. Въ нѣдрахъ религій прозябла и пустила ростокъ свобода своеначальнаго духа. И мы остаемся въ этомъ смыслѣ религіозными и внѣ ограды положительныхъ вѣроученій, если дерзаемъ противопоставить очевидной и необходимой дѣйствительности свой внутренній голосъ. Въ насъ живъ ростокъ мистическаго дѣйствія, и мы, сознательно или безсознательно, оказываемся органами творчества религіознаго.

*
*

Въ какихъ же типахъ душевнаго настроенія и устремленія проявляется непріемлющая воля? Поскольку рѣчь идетъ о мистическомъ энергетизмѣ, какъ утвержденія бытія должнаго и истиннаго, ясно, что мы не имѣемъ въ виду тѣхъ формъ внутренняго дѣйствія, въ которыхъ цѣлью этого дѣйствія полагается угашеніе самой воли къ бытію,—т. е. мистической морали пессимизма (*viṃśa* буддизма). Съ другой стороны, поскольку мистическій энергетизмъ есть самоутвержденіе сверхличное, мы не имѣемъ въ виду и того бунта уединившейся личной воли, который извращается въ отрицаніе самого принципа внутренняго дѣйствія—въ самонстребленіе личности, — другими словами, того

круга идей, какой мы находимъ у Достоевскаго въ „Письмѣ Самоубійцы“ *).

Три великихъ современника эпохи Возрожденія оставили вѣкамъ въ трехъ религіозныхъ твореніяхъ кисти символы трехъ типовъ непріятія міра. Мы разумѣемъ „Страшный Судъ“ Микель-Анджело, „Преображеніе“ Рафаэля и „Тайную Вечерю“ Леонардо да Винчи.

„Страшный Судъ“ грандіозно ветхозавѣтенъ по духу. Художникъ здѣсь мститель міру за его зло и неправду. На фрескѣ Христосъ,—но мы не узнаемъ милующаго Лика. Это внѣшнее утвержденіе поруганной справедливости, возстановленіе нарушеннаго права есть.

*) „1) Такъ какъ на вопросы мои о счастьи, я чрезъ мое же сознаніе получаю отъ природы лишь отвѣтъ, что могу быть счастливымъ не иначе, какъ въ гармоніи цѣлаго, которой я не понимаю и, очевидно для меня, и познать никогда не въ силахъ;

2) такъ какъ природа не только не признаетъ за мною права спрашивать у нея отчета, но даже и не отвѣчаетъ мнѣ вовсе, и не потому что не хочетъ, а потому что не можетъ отвѣтить;

3) такъ какъ я убѣдился, что природа, чтобы отвѣчать лишь на мои вопросы, предназначила мнѣ (безсознательно) меня же самого и отвѣчаетъ мнѣ моимъ же сознаніемъ (потому что я самъ это все говорю себѣ);

4) такъ какъ, наконецъ, при такомъ порядкѣ я принимаю на себя въ одно и то же время роль истца и отвѣтника, подсудимаго и судьи, и нахожу эту комедію со стороны природы глупою, а перенести эту комедію съ моей стороны считаю даже унижительною;

—то, въ моемъ песимистическомъ качествѣ истца и отвѣтника, судьи и подсудимаго, я присуждаю эту природу, которая такъ безцеремонно и нагло проназвала меня на страданія, вмѣстѣ со мною къ уничтоженію“...

Любопытно это: „могу быть счастливымъ не иначе, какъ въ гармоніи цѣлаго, котораго не понимаю“. Но если въ гармоніи цѣлаго все же предчувствую себя счастливымъ, значитъ—я понимаю ее чувствомъ. Остается лишь *волить* ее; но не умѣющій волиять хочетъ только познать. „Природа“ именно предназначила чело-

торжество *тѣры*, какою знали ее до Христа, когда она еще не сочеталась нерасторжимо съ надеждою и любовью. Непріятіе міра, поскольку оно не пессимизмъ и не буддизмъ, а энергетизмъ, провозглашено въ этомъ ужасающемъ и какъ бы звучащемъ оглушительною музыкой созданіи—какъ пламенная стихія священнаго, пророческаго гнѣва. „Любовью ненавидящей огонь омоетъ міръ“. Мы видимъ „непримиримое Нѣтъ“; но „святое Да“ еще не возставлено.

„Преображеніе“ Ватиканской Пинакотекки новозавѣтно, какъ все Рафаэлево творчество. Здѣсь неприятіе міра выражено съ пронзающею сердце горечью, и все же сквозить лучомъ новой *надежды*, но какимъ холоднобѣлымъ и потустороннимъ! Есть какое-то отдаленіе, отчужденіе отъ міра въ линіяхъ, свѣтахъ и слишкомъ сгущенныхъ (отчасти по винѣ довершителей незаконченнаго произведенія) сумракахъ этого холста, какъ будто на немъ напечатлѣлась тѣнь Смерти, уже стоявшей за плечами художника. Въ этомъ великомъ и впервые болѣзненнымъ твореніи Рафаэль отрицаетъ самого себя. Кажется, будто жизнь отъ него отлетѣла во слѣдъ его генію, которону уже ничего болѣе не оставалось открыть міру послѣ этой послѣдней своей и потрясающей исповѣди, внезапно обнаружившей, на какомъ фонѣ души художника, счастливаго любимца боговъ,

вѣка отвѣчать ой на ея вопросы, по отвѣчать своею *волей*,—всею полнотой своего сознанія, объемлющей сверхсознательное и сверхличное самоопредѣленіе человѣческаго духа. Все разсужденіе продиктовано опять-таки „умопостигаемою безхарактерностью“ индивидуума. И чѣмъ ощутительнѣе, въ послѣднихъ словахъ цитаты, привкусъ солипсизма, тѣмъ явственнѣе выступаетъ метафизическое безволіе Самоубійцы, осуждающаго природу „вмѣстѣ съ собою, къ уничтоженію, когда чудо его воли могло бы повлечь природу „вмѣстѣ съ нимъ“—къ преображенію.